

значительно возросла роль личности в истории, ибо человек получил свободу и культурно-этическую независимость от социума).

Рассмотренные в этом кратком очерке проблемы, хотя и несут на себе отпечаток эпохи, все не утратили своей актуальности. Ведь общество не может нормально существовать без элиты, ориентированной на христианские ценности.

И поэтому живые размышления чуткого православного христианина о вере, благочестии и духовных соблазнах эпохи не утратили злободневности и ныне.

Завершая наш очерк о православном писателе и публицисте, отметим, что 80-е и 90-е годы XIX века (и так вплоть до смерти в 1903 году) стали пиком славы Вс. Соловьева. Его имя гремело по всей России. Им зачитывались в великосветских салонах, в интеллигентских кругах, знала его и публика попроще. Автор достиг той цели, к которой упорно и настойчиво стремился; сделал русскую историю в ее художественном виде достоянием народа, а в своих публицистических очерках и книгах донес до читателей свои размышления о вере и камнях преткновения на пути к Богу и истине.

Примечания:

1. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. М., 1997.
2. Соловьев Вс. С. Москва 15 мая 1883 года. СПб., 1883.
3. Север. № 42. СПб., 1899.
4. РГАЛИ. Ф. 191., оп. 1, ед. хр. 3291, листы 96-98.
5. Север. № 3. СПб., 1891. С. 169.
6. Север. № 8, СПб., 1889. С. 152.
7. Север. № 49. СПб., 1890. С. 822.
8. Север. № 7, СПб., 1889. С. 134.
9. Север. № 8, СПб., 1889. С. 152.
10. Север. № 9, СПб., 1889. С. 151.

Грищенко А.И.

РУССКАЯ АРТЕЛЬ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Артель была одним из самых значимых и опоэтизированных русской интеллигенцией XIX в. институтов старинного русского общества, его социальных низов, более того: *«Русская артель, – как восторженно писал один из первых ее исследователей, – есть результат творчества народного духа и, как таковой, она – явление глубочайшей древности и во все времена имела огромное значение в жизни народа»* [23;278].

Не затрагивая истории артели как явления народной русской жизни, посмотрим, насколько глубоко в древность уходят корни самого слова *артель*, а оно начинает фиксироваться источниками лишь с начала XVII в., по-видимому, впервые попадая в «Русско-английский словарь-дневник» Р. Джемса 1618-1619 гг. как *artele* – «a companie as of 3. or 4. or more» (= «товарищество из 3, 4 и более человек») [13;167]. Довольно часто оно и его производные встречаются на протяжении всего XVII в. в весьма обширном ареале – от Москвы до Сибири, напр.: *«А сказал, что де у нас в торговле своя ортѣл<ь> оприч<ь> ево Мишки»* (1640 г., из актов Якутской воеводской избы) [29;49]. В этом примере обращает на себя

внимание написание *ортъл* – через ять. По другим источникам: «И напиваются пьяни [Ивань и его отець и братья – А.Г.], ходять артелью съ друзьями своими и съ сов□тниками и насъ въ городъ, по слободамъ ходячи, побиваютъ напрасно» (Челобитная лебедянцев всем городом об увольнении из съезжей избы подьячего Ивана Фролова, 1653 г.) [1;315]; «На Устюге великомъ и на Тотме тотъ воръ Илюшка и ево Илюшкины артели Иванова съ товарищи воры и измѣнники Андрюшка Дуракъ съ товарищи поиманы и перевѣшаны» (Отписка тотемского воеводы М.Г. Ртищева, 1671 г.) [5;19].

Кроме того, словари фиксируют следующие производные от *артель* (и его фонетико-орфографического варианта *ортьель*), встречающиеся в источниках XVII – начала XVIII в.: *артельный, по-артельно, артельщик (артильщик)* [26;58]. Среди источников – грамоты, челобитные и другие деловые бумаги, а также сибирские летописи [18;163]. Указание на то, что данное слово фиксируется в последних с XVI в., вполне справедливо кажется неподкрепленным [41;154] (хотя скорее дело в опечатке). На первый взгляд, XVI веком датируется наречие *по-артельно* в «Словаре русского языка XI-XVII вв.», поскольку при иллюстрирующей его употребление цитате указан 1578 г., однако на самом деле это год не создания самой рукописи (Ремезовской летописи кон. XVII в.), а описываемого в ней события – одного из походов Ермака [24;315]. Однако, несмотря на то, что слово *артель* начинает встречать в памятниках только с начала XVII в., ничто не мешает отнести его появление в обиходном русском языке еще в XVI в., а, возможно, и ранее. С датировкой связаны и возможные его этимологии.

Будучи словом обиходного, некнижного русского языка, *артель* – явное заимствование хотя бы по фонетическим причинам (из-за начального *а*). Проблема состоит в том, что до сих пор точно не установлено, из какого языка оно было заимствовано в русский, в какую эпоху и в каком ареале. Так, А.Е. Аникин считает, что оно «безнадежной этимологии» [3;296].

Пожалуй, первую попытку этимологизации слова *артель* мы найдем в «Словаре Академии Российской»: «отъ Турец<каго> [т.е. тюркского, в более широком смысле – А.Г.] *Орта*» [25;48, 42;215], при этом значение самого слова *орта* не приведено. Приводится оно уже С.А. Тучковым: «АРТЕЛЬ. Происходить отъ Турецк. слова *орта, община*» [33;10]. На С.А. Тучкова, как якобы автора этой версии, ссылается в статье «артиль» [sic!] (с пометой «вол<огодское>») Д.Ч. Макаров [14;39]. Источником для рус. *артель* Л.З. Будагов видел сиб.-татарск. *урталай* ‘пополам’ [4;123] (с корнем *урта-* ‘середина’).

Свою тюркскую этимологию предложил и Ф. Миклошич – из османского *ortak* ‘Gesellschafter’ (= ‘участник товарищества’) [45;137], что было оспорено Ф. Коршем, впервые печатно упомянувшим новую, итальянскую, версию происхождения этого слова (со ссылкой на проф. Шварца и г-на Ровинского): русск. *артель* от итал. *artieri*, мн.ч. от *artiere* ‘ремесленник’ [44;660]. Примечательно, что сам Ф. Миклошич с легкостью согласился с данным утверждением [46;7], не настаивая на тюркском происхождении слова *артель*, о чем впоследствии уже никто не упоминал, прочно закрепив за австрийским славистом авторство рассматриваемой тюркской этимологии.

Собственно на этом этимологизация слова *артель* и остановилась (исключая весьма странную версию В.И. Даля, о которой скажем напоследок): одни этимоло-

логи склонялись к тюркской версии (точнее, версиям), другие – к итальянской, пополнялось только число гипотетических тюркских этимонов. Так, в гротовском академическом «Словаре русского языка» – «отъ тат. ортак общій; ортак эль народъ» [27;69], А. Преображенский также склоняется к этому мнению, упомянув и о Ф. Корше [19;8]; С. Младенов производит уже только от татарск. (?) *ортак* ‘дружный’ и *эль* ‘рука’ (!)[15; 84]. В свою очередь, Э. Бернекер целиком поддерживает Ф. Корша, отказывая версии Ф. Миклошича в правдоподобии [43;31]. На том же стоит и М. Фасмер, отвергнув тюркскую этимологию как невероятную [48;26]; также у Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, которые считают, что первоначальная версия Ф. Миклошича наталкивается на фонетические затруднения [47;30].

Новую тюркскую этимологию, ссылаясь на загадочное «мнение других», приводит Н.К. Дмитриев, который помещает слово *артель* в раздел «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы»: «Для большинства современных тюркских языков обратное заимствование из русского; однако в русский язык попало, вероятно, из тюркских; по Будагову, – из тобольско-тат. *урталай*, а по мнению других, – из тат.-башк. *арт* ил ‘народ, находящийся позади’, т.е. ‘резерв’» [9;43]. В дополнениях к русскому переводу фасмеровского словаря О.Н. Трубачев ссылается на версию «других» у Н.К. Дмитриева как на более правдоподобное объяснение [35;89]. Н.М. Шанским также принимается версия Дмитриева, а итальянская расценивается как неверная [39;147]. Е.Н. Шипова рассматривает только приведенные тюркские версии, ошибочно полагая, что «Фасмер считает правдоподобной этимологию, предложенную Дмитриевым» [40; 39], тогда как последняя включена в русский перевод словаря М. Фасмера только О.Н. Трубачевым.

Резко против новой версии происхождения от сложения татарск. и башкир. *арт* ил выступает П.Я. Черных: «...сложения *арт*+ил ни в татарском, ни в башкирском языках никто пока не слышал» [38;53]. Действительно, в качестве отдельных слов указанные *арт* и *ил* существуют в татарском и башкирском языках, однако при их соединении – по законам тюркской грамматики – все же следовало бы ожидать словосочетания *арт* или, а не гипотетического **артил*.

Украинские и белорусские этимологи предпочли тюркскую версию. Первые больше склоняются к мнениям либо Н.К. Дмитриева, либо Л.З. Будагова, тогда как версия происхождения от *ортак* признана неубедительной, а от итал. *Artieri* – недостаточно обоснованным предположением [11;88]. Вторые выдвинули еще одно, собственное, предположение о связи русск. *артель* с тюркским глагольным корнем *ерт-*, *ärt-* ‘вести за собою’, расширенным залоговым суффиксом *-ил*: *артил* ‘быть водимым’ или ‘те, кто за кем-либо идет, свита, сопровождающие’ [41;154-155] (со ссылкой на словарь В.В. Радлова [20;790]). Однако и с этим значением слово *артил* не встречается ни в одном из тюркских языков (в татарском есть *ärtил* ‘артель’ – явное заимствование из русского, ввиду отсутствия у него других значений).

Что же касается фонетических явлений при заимствовании из пока точно не установленного источника, то этимоны *орта*, *ортак*, *урталай* никак не могли дать ни *артель*, ни *артиль*. Из всех тюркских версий фонетически наиболее правдоподобна версия Н.К. Дмитриева; особенно убедительна она в том случае,

если считать исходной вел.-русск. формой именно *артиль*, а не *артель*, на чем настаивает О.Н. Трубачев, предполагая исконный приуральский ареал бытования этого слова и сопоставляя переход *и > е* в нем с другими случаями: «...изменение слов *канетиль, априль, артиль в канитель, апрель, артель (возможны и другие случаи, в том числе в ономастике) скорее всего представляют явление фонетическое – возможно, своеобразный аналог развитию напряженного редуцированного перед йотом с последующим переходом *ij > ej* (Сергий > Сергей, Россия > Расея)» [32;71]. При всем при этом реальность тюрк. **артиль* стоит под большим сомнением, делая отстаиваемую О.Н. Трубачевым версию маловероятной, тем более что, по мнению А.Е. Аникина, ранние фиксации слова *артель* не свидетельствуют ни о первичности приуральского ареала, ни о большом возрасте формы с *и* [3;296].

Итальянская версия фонетически также вполне обоснована: «Изменение *p : p > p : л* на почве межслоговой диссимилиации часто встр<ечается> в говорах (ср. пролубь < прорубь и т.п.), в заимствованных словах (устар. цирульник < латин. *chirurgus*) и др.» [38;53]. Хотя в случае со словом *цирульник*, диссимилиация произошла все же не в русском языке, а в польском, откуда оно было заимствовано на рубеже XVII-XVIII вв. [37;307], данное объяснение вполне правдоподобно, учитывая аналогичные явления в собственно русских говорах. Правдоподобно выглядит и исходная форма *артѣль* (или *ортѣль*) – с ятем, передававшим в ряде великорусских говоров XVII в. (в т.ч. московских) восходящий дифтонг *иэ*: связь с итал. *artieri*, имеющим практически тот же дифтонг, в этом случае еще более очевидна. Написание с ѣ фиксируется не только в XVII, но и на протяжении всего XVIII в. [28;95-96].

Об исконности формы с ѣ говорит и украинский рефлекс русск. *Артель* – *арті́ль*: даже авторы «Этимологического словаря украинского языка» признают, что это слово заимствовано из русского, а не напрямую из татарского, хотя для В.В. Акуленко оно почему-то и в украинском имеет вид *артель*, что более чем справедливо можно расценить как заимствование из русского (а в русский – из тюркских языков) [2;143].

Однако словари украинского языка фиксируют только форму *арті́ль*, начиная с Б.Д. Гринченко [6;10], который ссылается на фольклорные собрания И.Я. Рудченко. У последнего этого слово встречается в сказке «Москаль-рибалка» (записанной в северной части Козелецкого уезда Черниговской губернии и перепечатанной из «Черниговских губернских ведомостей» 1863 г., № 40) [21;172] и в собственного сочинения очерке «Чумаки в народных песнях» [22;32-34]. И в том и в другом текстах *арті́ль* – слово из речи чумаков, причем, судя по очерку, одно из самых значимых в их лексиконе. Существование *арті́лей* у чумаков отмечает и А.А. Исаев [12;261]. В 1870-1880-е гг. в *арті́лях* трудятся работники на соляных озерах под Одессой, т.е. фактически те же чумаки, только уже не участвующие в дальнейшем сбыте произведенной продукции [10;85-87].

Однако еще раньше, у М. Номыса в собрании украинских пословиц и поговорок 1864 г., приводится нежинская пословица *Отаманом арті́ль кріпка* [16;476], точное соответствие которой можно найти еще в русском языке XVIII в. – *Атаманом артель крепка* [28;95-96]; есть она и у В.И. Даля [8;24, 28]. Точное происхождение ее установить сложно, однако связь с казачьим и чумацким бытом

очевидна, так что и исконный ареал малорус. *артіль* следует искать на Юге, в Причерноморских степях, на соляных путях из Крыма, откуда и попадали на Русь итальянцы – выходцы из генуэзских колоний Каффа, Солдайя, Чембалло и др. Возможно, именно через Крым, в котором, однако, генуэзцы уже утратили свои позиции, и пришли в Москву первые артели итальянских строителей – создателей нового стиля московской архитектуры конца XV – всего XVI вв. Общеизвестна в ней роль итальянских зодчих Аристотеля Фиораванти, Петра Фрязина, Петрока Малого и др. Один из них – Алевиз Новый – прибыл в Москву через Крым, где успел поработать на строительстве ханского дворца в Бахчисарае. Алевиз приехал не один, с ним, судя по Никоновской летописи (запись за 1504 г.), были привезены и «многие мастера»: «Въ лѣто 7013, Ноября, приидоша послы великого князя на Москву, Алексій Заболоцкой ис Крыму, Дмитрей Ралень и Митрофанъ Карачаровъ изъ заморіа, и приведоша съ собою многихъ мастеровъ серебряныхъ, и пушечниковъ, и стѣнныхъ» [17;258].

Таким образом, решается основная проблема итальянской версии происхождения слова *артель* – проблема русско-итальянских контактов, о чем писал П.Я. Черных: «К сожалению, пути проникновения этого ит<альянского> слова в русскую народную речь (уже в XVI-XVII вв.) недостаточно ясны» [38;53], – ему вторит и А.Е. Аникин, для которого выведение слова *артель* из итал. *artieri* «не объясняет путей проникновения и бытования» его в русском языке [3;296].

Наконец, в малорус. форме *артіль* представлен рефлекс не «нового ятя» (который бы ожидался при заимствовании исходного *артель* – в финальном закрытом слоге), а «старого», о чем говорит сохранение *-i-* во всех позициях, в т.ч. и в открытом слоге (напр., род. п. *артілі* уже у Б.Д. Гринченко, то же – в 11-томном «Словаре украинского языка» с соответствующим иллюстративным материалом [30;63]). Для сравнения: явное тюркское заимствование *курінь* (от чагатайского *kürān* 1) ‘толпа, племя, отряд воинов’, 2) ‘пекарня’ [36; 425]) в тех формах, где открывается последний слог, содержит *-e-* вместо *-i-* (напр., род. п. *куреня*), – здесь имеет место аналог «нового ятя», позиционно обусловленный, соответственно в вел.-русс. закономерно только *курень*, тогда как форма **курѣнь*, хотя и возможна в некоторых говорах, вторична. В другом, уже не заимствованном, малорус. слове *метіль* 1) ‘метель’ (областное) и 2) ‘насекомое из рода мошек’, соответствующее вел.-русс. *метель* (*мятель*) ‘то же’, «новый ять» развился только в закрытом слоге – при открывании его восстанавливается исконный *-e-* (напр., род. п. *метелі*, форма *метілі* гораздо менее употребительна [7;420, 34;507, 31;690]).

Стоит также упомянуть и об этимологии слова *артель* у В.И. Даля, совершенно несостоятельной с точки зрения истории языка. Великий лексикограф считал, что «*артель* и *рота*, съ перестановкою, какъ *рожь* и *аржаной* и др., одно и то же древнее слово, отъ *ротѣтися*, обѣтовать, клясться, присягать» [8;24]. Дело в том, что в паре *рожь* и *аржаной* наблюдается не перестановка, а протеза начального *a*, возникшая в результате вокализации сонорного *r*, после падения редуцированных попавшего в позицию перед шумным *ж*, т.е. *ръжь* > *рожь*, но *ръжаныи* > *ржаной* > *аржаной*. Ничего подобного не могло произойти с др.-русс. словом *ротá* ‘клятва, присяга’, поскольку в нем не было редуцированного.

Примечания:

1. Акты Московскаго государства, изд. Имп. Акад. Наукъ. Т. II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635-1659. / Подъ ред. Н.А. Попова. СПб., 1894.
2. Акуленко В.В. Головні історичні джерела лексичних інтернаціоналізмів в українській мові // О.О. Потебня і деякі питання сучасної славістики. Харків, 1962.
3. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. I. А-Аяюшка. М., 2007.
4. Будаговъ Л. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. СПб., 1869. Т. I.
5. Голубевъ А.А. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. М., 1894.
6. Гринченко Б.Д. Словарь украинскаго языка. А-Ж. Київ, 1907. Т. I.
7. Гринченко Б.Д. Словарь... З-Н. Київ, 1908. Т. II.
8. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. 2-е изд. А-З. М., СПб., 1880. Т. I.
9. Дмитриев Н.К. О тюркскихъ элементахъ русскаго словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3.
10. Драгоманов М. Житьгъа по селахъ // Громада: Українська збірка. № 5. Женева, 1882.
11. Етимологічний словник української мови: В 7 тт. / Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні АН УРСР (НАНУ). А-Г. Київ, 1982. Т. I.
12. Исаев А.А. Промышленныя артели въ Россіи. Гл. 1-я // Русская мысль. Годъ 2-й. Январь 1881.
13. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959.
14. Макаровъ Д.Ч. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Засѣд. 26 окт. 1846 г. № 3. М., 1846. Отд. IV.
15. Младенов С. Български тълковен речник с оглед към народните говори. . София, 1951. Т. I (А-К)
16. Номис М. Українські приказки, прислів'я, і таке інше / Збірники О.В. Марковича та інших. Упоряд., прим. та вступ. ст. М.М. Пазяка. Київ, 1993.
17. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. Археологическою комиссією. Т. 12. VIII. Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью. СПб., 1901.
18. Порохова О.Г. Лексика Сибирскихъ летописей XVII века. Л., 1969.
19. Преображенскій А. Этимологическій словарь русскаго языка. М., 1910-1914. Т. I. А-О.
20. Радловъ В.В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Гласные. СПб., 1893. Т. I.
21. Рудченко И.Я. Народныя южнорусскія сказки. Вып. II. Київ, 1870.
22. Рудченко И.Я. Чумацкія народныя пѣсни. Киевъ, 1874.
23. Сазоновъ Г.П. Программа для собиранія свѣдѣній о русской народной артели // Русская мысль. Годъ 2-й. Январь 1881.
24. Сибирскія лѣтописи. Изд. Имп. Археологической комиссіи. СПб., 1907.
25. Словарь Академіи Россійской. СПб., 1789. Ч. I: отъ А. до Г.

26. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / Под ред. О.С. Мжельской. Вып. 1. СПб., 2004.
27. Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. А-Д. СПб, 1895. Т. I.
28. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. I. А-Безпристрастие. Л., 1984.
29. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. I (А-Б). М., 1975.
30. Словник української мови: В 11 тт. / Ін-т мовознавства мовознавства ім. О.О. Потебні АН УРСР. Київ, 1970. Т. I. А-В.
31. Словник української мови... Київ, 1973. Т. 4. I-М.
32. Трубочев О.Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... Маргиналии к конференции по русскому историческому словообразованию (Звенигород, осень 1989 г.) // *Slavia. Casopis pro slovanskou filologii (Praha)*. 1993. Roč. 62. № 1.
33. Тучковъ С.А. Военный словарь, заключающій наименованія или термины, въ Россійскомъ сухопутномъ войскѣ употребляемые... Ч. I (отъ А до О). М., 1818.
34. Українсько-російський словник / Голов. ред. І.М. Кириченко.. Київ, 1958. Т. II. 3-Н.
35. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. / Пер. и доп. О.Н. Трубочева; под ред. Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М., 1986. Т. I. А-Д.
36. Фасмер М. Этимологический словарь... М., 1986. Т. II. Е-Муж.
37. Фасмер М. Этимологический словарь... М., 1987. Т. IV. Т-Ящур.
38. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стер. М., 1999. Т. I. А – Пантомима.
39. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Вып. I. А. М., 1963. Т. I.
40. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
41. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978. Т. I. А-Б.
42. Яновскій Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I (отъ А до I). СПб., 1803.
43. Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. 1. Bd. (A-brak). Heidelberg, 1908.
44. Korsch Th. Miklosich Fr. *Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen: Anzeigen* // *Archiv für slavische Philologie*. Bd. 9. № 4. Berlin, 1886.
45. Miklosich F. *Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen*. II. // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe*. 35. Bd. Wien, 1885.
46. Miklosich F. *Die türkischen Elemente... Nachtrag II* // *Denkschriften...* 38. Bd. Wien, 1890.
47. Sadnik L., Aitzetmüller R. *Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Bd. 1. (A-B). Wiesbaden, 1963.
48. Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. A-K. Heidelberg, 1953.